

ЕСТЬ актеры удивительной, счастливой судьбы. Они не просто потрясают нас своим мастерством, своим умением создать запоминающийся образ. Когда они на экране или на сцене, мы не следим за тем, как они подали ту или иную реплику, мы перестаем анализировать их игру, потому что забываем, что это — игра. Перед нами — не условный образ, а человек — живой, настоящий. И мы его отчаянно любим или ненавидим, жалеем или презираем, смеемся вместе с ним или плачем, а быть может, — и то, и другое, и третье. Все зависит от того, кто они сейчас. Не кого играют, а именно — кто. Такова сила актерского перевоплощения, «отречения» на данный момент от своего «я», «переселения» в этот, когда-то чужие, жадно ждущие своего второго рождения «я» литературных героев, а если глубже — «я» самой жизни во всем многообразии человеческих характеров, страстей.

К таким актерам с полным правом можно отнести народного артиста СССР, лауреата Государственных премий Михаила Ивановича Жарова.

Жарова «принимают» и любят и придирчивые театралы, и «киношники», умудренные всевозможными знаниями, и простые люди, не искушенные в тайнах актерского мастерства.

И это еще раз подтверждает непреложную истину: подлинное большое искусство покоряет всех.

Сейчас Михаил Иванович Жаров, артист Малого театра, — гость Алма-Аты, и алмаатинцы так же радостно и непосредственно, как все, встречают уже само появление любимого артиста.

...Несколько дней тому назад в русском театре драмы шел один из спектаклей Малого театра. Еще осталось несколько минут до начала, еще не поднялся занавес — и вдруг — взрыв аплодисментов. Это пытался пройти незамеченным Михаил Иванович Жаров. Не вышло. Как всегда.

На этот раз алмаатинцы аплодировали артисту Жарову. Но он помнит много курьезных случаев, когда его «путали» с его героями. Как артисту, такое признание ему приятно, а вот как человеку — не всегда. Ведь герои Жарова — разные люди...

В первой художественно-звуковой картине — «Пугевка в жизнь», имевшей необычайный успех, Михаил Жаров играл Жигана. «После этой

картины, — вспоминает Михаил Иванович, — я начал испытывать довольно неприятное ощущение: стоило мне только появиться в местах скопления публики, как вокруг меня образовывалась пустота. Окружающие сначала как-то испуганно глядели на меня, а потом, держась за карманы, пятились и отходили».

Жаров играл без грима, и люди «узнавали» Жигана.

Михаил Иванович вспоминает еще один интересный эпизод, связанный с Жиганом. Однажды вечером в магазине мальчишка лет 10-ти вытащил у него из кармана деньги.

«Я мог бы взять его за руку, но пожалел — он трясся, как осиновый лист...»

Когда я вышел из магазина, меня кто-то окликнул:

— Товарищ Жаров!

Я оглянулся — в глубине ворот стоял длинный, худой, лет семнадцати парень, который держал моего вихрастого мальшья за руку.

— В чем дело? — спросил я.

— Вот вам ваши три рубля! Извините его, пожалуйста, — произнес парень сиплым голосом. — Эх ты, зануда! Своих не узнаешь! И торопливо замахнулся на совсем зеленого, сжавшегося в комочек мальчишку».

„Я“ САМОЙ ЖИЗНИ

К ГАСТРОЛЯМ МАЛОГО
ТЕАТРА В АЛМА-АТЕ

Есть воспоминания и иного плана.

Михаил Жаров — первый исполнитель роли Алексея в «Оптимистической трагедии» Всеволода Вишневского.

Спектакль был поставлен в Московском драматическом камерном театре замечательным режиссером А. Я. Таировым. На репетициях постоянно присутствовал Всеволод Вишневский. И очень помогал актерам и режиссеру в работе над пьесой.

И вот — генеральная репетиция. В зрительном зале — командиры и полководцы Красной Армии: пьеса и спектакль посвящались ее пятнадцатой годовщине.

«После спектакля, успех которого рос от сцены к сцене, — рассказывает Михаил Иванович, — в кабинет к Таирову пришел командир Красной Армии с товарищами. Интересно, что он разговаривал с нами не как с актерами, а как с действующими лицами пьесы». И артисту Жарову, а матросу Алексею командир сказал: «Так что, молодец! Правильно сделал, что пристрелил этого жоака. Жаль, конечно, в основе своей он неплохой парень, боевой, но пошел не по той дороге. Переделывать тебе его было, конечно, некогда, бои... а вред он чинил большой...»

Михаил Жаров может припомнить много подобных случаев. И во всех них интересна одна деталь — свои многочисленные роли (восемьдесят — в кино и более семидесяти — в театре) артист за редким исключением играл и играет без грима или с незначительным гримом.

Мы сразу узнаем Жарова, особенно на экране. И в то же время это — и Малюта Скуратов, и «Воздушный извозчик», и Жиган, и Алексашка Меншиков, и Анискин, и еще мно-

гие, и многие другие. Такие разные по характеру, темпераменту.

В чем же секрет этого незримого перевоплощения?

Есть актеры, которые, в зависимости от своих внешних данных, играют героев определенного типа. У них складывается свое амплуа, границы которого переступить бывает очень трудно. И создается (даже если актер талантлив) определенный стереотип злодея или положительного героя, простака и так далее. У каждого — свои приметы. А какие — зритель знает. Эти герои еще частенько шагают по экранам и сценам.

В жизни же все гораздо сложнее. Михаил Иванович вспоминает один случай, заставивший его до конца понять: дело не во внешних данных, и артисту вовсе не обязательно гримироваться «под злодея» или положительного героя. Нужно понять его суть, его душу.

«В Москве в начале 20-х годов жил очень приличный, благообразный старичок. Говорил он ласковым, медовым голосом. И жена у этого старичка была такая же благообразная. Хоть иконы с них пиши!.. И этот старичок убил 30 человек. Он покупал у извозчика лошадей, заманивал его в свою квартиру, спаивал и убивал. Вот вам какие несоответствия».

Перевоплощаться, не помогая себе никакими внешними средствами, — вещь очень сложная. Ведь нужно суметь резко изменить внутреннее душевное состояние, поставить себя «по Станиславскому» в «предложенные обстоятельства» и жить в них настоящей жизнью своего героя.

Часто одним актерам бывает дороже театр, другие любят кино, а некоторые, вдохновенно утверждая одно, отвергают другое. Но Жарову просто нелепо задавать вопрос: что для него дороже — театр или кино.

«Конечно, и то и другое. Театр и кино — не соперники, а помощники. Хотя у каждого из этих очень родственных видов искусства своя специфика, которую актер должен непременно учитывать».

Я получил от театра умение работать над образом, хватку, четкость, смелость и остроу построения характера, яркость исполнения и подачи текста, в театре я научился находить сквозное действие роли, вести ее через все спады и нарастания.

В театре — в декорации — у актера

возникают на сцене одни ассоциации. На улице, на натуре у снимающегося киноактера — другое: они естественнее и ближе к жизни. Кино требует правды жизни. (Не путать правду с натурализмом!). Отсюда — мягкость в движениях и в реакции, нежная, почти акварельная обрисовка даже самых гротескных фигур. Раскрытие чувств, их глубины — через глаза, едва заметные движения лица...

Итак, если театр научил меня работать над образом, то кино дало ощущение правды жизни и знаменитого в искусстве «чуть-чуть», то есть золотой середины художественной правды, которую мы ищем и в театре, и в кино».

У каждого настоящего актера — свое лицо, свои традиции, свой любимый театр. Михаил Жаров шестнадцатилетним мальчишкой начал актерскую деятельность статистом в частном оперном театре Зиминова. А потом, после революции, ему посчастливилось работать с такими замечательными и такими разными мастерами, как Ф. Комиссаржевский, В. Мейерхольд, А. Таиров.

И вот, наконец, Малый театр, которому Жаров отдал четверть века.

Чем привлек Малый театр артиста? И чем он дорог ему сейчас?

«Я видел — в Малом театре все так же просто, как в кино. Говорят выразительно, но естественно, никакой условной театральности, никаких условных конструкций. Все реалистично... А главное — он всегда был и остается Театром актера, где организующим началом должен быть высокоодаренный режиссер, знающий передовые традиции Малого театра. Малый может гордиться не только целой галереей первоклассных актеров, но, а это очень важно — великолепным актерским ансамблем. Здесь актеры понимают, чувствуют друг друга. Великие актеры Малого театра, оставаясь резко индивидуальными, сумели создать слаженный ансамбль. И умели ладить между собой — на сцене и в жизни».

Этому научил театр и нас. И об этом должны помнить молодые актеры Малого театра, недавние выпускники училища имени Щепкина. Товарищество, Мастерство, Мораль, Этика — вот сплав, который определяет актера.

Театр, которому через три года исполняется 150 лет, ко многому обязывает...»

Есть много городов, которые полюбил Михаил Иванович Жаров за время многочисленных гастрольных поездок. Но Алма-Ата — город

особенный. Во время Великой Отечественной войны этот город — глубокий тыл — стал подлинным фронтом большого советского искусства.

В Алма-Ату приехали две киностудии — Ленинградская и Московская. Их объединили здесь в Центральную студию художественных фильмов. В небольшом доме недалеко от нынешней киностудии «Казахфильм» жили Эйзенштейн, Козинцев, Трауберг, братья Васильевы, Пудовкин, Рошаль, Птушко, Тиссе, Черкасов, Бирман, Эрмлер, Жаров и многие другие виднейшие деятели советского кино.

Жаров снялся в Алма-Ате в «Обороне Царицына», «Воздушном извозчике», «Близнецах», «Во имя Родины», «Иване Грозном».

«Вместе с киностудиями, — вспоминает Михаил Иванович, — в Алма-Ату эвакуировался и ВГИК. Я никогда не забуду, как сразу же после приезда Эйзенштейн сказал ребятам-вГИКовцам: «Мы здесь будем работать засучив рукава. В десять раз сильнее, чем дома. Мы находимся на войне и должны помогать победе».

И студия работала. Именно здесь, в Алма-Ате, начались выпуски первых «Военных сборников» — своеобразных художественных киножурналов. В сборниках были популярнейшие в армии песни, новеллы. Здесь родилось много песенок, в том числе и известная песня, которую Жаров исполнял с Крючковым. У нее был веселый и точный припев:

Что такое,
Вас ист дас?
Немцы драпают
От нас.

Кроме работы на киностудии, артисты очень часто выступали с концертами. Михаилу Ивановичу запомнилось навсегда, как провозжали на фронт панфиловцев...

«С Алма-Атой связано много дорогих воспоминаний, — говорит Михаил Иванович, — но все они нанизаны как бы на одно — на благодарность к казахскому народу. В Алма-Ате мы до конца поняли, что такое необыкновенно сильный, мощный союз народов. Народ Казахстана помог всем, чем только можно было помочь, для того, чтобы наша студия ни на секунду не прерывала своей работы... И вот сейчас я с большим волнением приехал в Алма-Ату, ставшую неузнаваемо прекрасной. Мне, как и всему коллективу Малого театра, радостно работать в этом чудесном городе. А насколько хорошо мы работаем, судить вам, дорогие наши зрители».

Беседу с народным артистом СССР, лауреатом Государственных премий М. И. ЖАРОВЫМ записала С. ШТЕЙНГРУД.